

Описывается путешествие по итальянскому региону Апулия. Характеризуются архитектура и устройство городского пространства городков Апулии. Рассматривается зависимость устройства городов от особенностей топоса.

Ключевые слова: Апулия; урбанистический ландшафт; архитектурный стиль; барокко; террасы; труллы; стратегии освоения среды. /

The article describes a travel around the Italian region Apulia. It features architecture and the city space in the small towns of Apulia and considers how their urban fabric depends on the peculiarities of the topoi.

Keywords; Apulia; urban landscape; architectural style; Baroque; terraces; trulli; environmental management strategy.

Апулия на ощупь / Apulia by the Feel

текст
Леонид Салмин /
text
Leonid Salmin

Эти заметки об архитектуре и урбанистических ландшафтах Апулии, совершенно особенного, древнего региона Италии, набросаны автором во время путешествия по городам Апеннинского юга. Писались они на ходу, в разных городах и коммунах – в Бари и Монополи, в Полиньяно-а-Маре и Остуни, в Альберобелло и Путиньяно, писались по горячим впечатлениям, порой в самых неподходящих для этого условиях, с помощью смартфона, и посему имеют в свое оправдание лишь то соображение,

что зафиксированный в них непосредственный опыт переживания урбанизированных пространств и ландшафтов южно-адриатического побережья, быть может, окажется ценным для того, кто хотел бы узнать Апулию поближе, почувствовать ее, так сказать, на ощупь.

Барокко по-апулийски

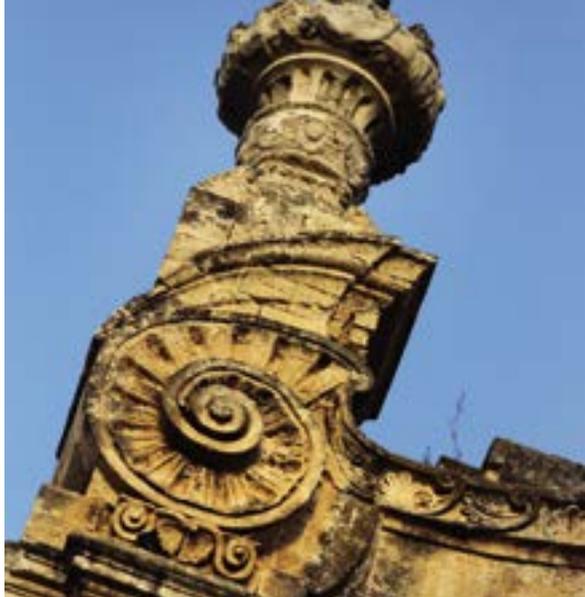
Как и большая часть архитектуры итальянского барокко, апулийское барокко растет на останках романского наследия. В основном это стилевой апгрейд культовых сооружений – базилик, храмов, часовен. Этакая церковная архитектура 2.0. По этой причине интересны в апулийском барокко не столько архитектурные основы, унаследованные в виде вполне исправно работающих романских «скелетов» (разумеется, там, где они не были уничтожены полностью), сколько язык пластической реновации наследия.

И тут нельзя не заметить некоторых специфически апулийских особенностей. Главное – это сдержанность. Качество, конечно же, совершенно не барочное, но бросающееся в глаза. В целом южно-итальянское барокко пластически многоречиво и театрально. В Неаполе или в Палермо оно принимает экзальтированные формы, порой просто пузырится пеной скульптурного декора. В городах Апулии все значительно спокойнее. Романский бэкграунд заметно просвечивает сквозь барочные одежды, и это придает архитектуре эстетическую и содержательную глубину рентгеновского снимка.

Ощущая необходимость быть убедительным в предъявлении архитектурного тела, барокко в его апулийском варианте повсеместно демонстрирует скульптурность как продукт ваяния из монолита. Не сборки, не монтажа, а вытесывания, вырезания. Даже купола колоколен, напоминающие чуть подгоревшее печенье, выполнены из того же туфа, что и стены. Это дает ощущение органики, ощущение непосредственного произрастания архитектуры из ландшафта с повторением его рельефов и его геологии.

Даже в храмовых интерьерах, где барочный рестайлинг обычно достигает максимального кипения и сдерживается лишь бюджетными возможностями, апулийское барокко обнаруживает редкостное уважение к древнему наследству и умение не просто сосуществовать с ним,

но и достигать синтеза. В кафедральном соборе Монополи, хранящем в алтаре потрясающую византийскую икону «Мадонна делла Мадиа», несмотря на невообразимое количество дорогой яшмовой отделки и декора, этого невозможно не почувствовать. Барокко и простота – казалось бы, понятия несовместимые. Но Апулия убеждает, что бывает и так...

Монополи. Машина времени

Старый апулийский город весь как обкатанный морем и выгрызенный ветром кусок ракушечника. С бесчисленными углублениями, кавернами, порами и включениями самых разных артефактов. Чувствуешь себя насекомым, ползающим по его хитро закрученным и изломанным путям, по щелям его улочек, по сосудам его переулочков, по пузырькам его дворику и лазам подворотен. И повсюду то взбегают вверх, то уходят вниз разнообразные ступенчатые ответвления, обозначающие собой не столько вертикальную координатную ось пространства (которое вылепилось тут задолго до того, как прабабушка Рене Декарта потеряла девственность), сколько ось времени. Посему путешествия во времени здесь, в древней части Монополи, не просто возможны – они практически неизбежны.

Ты можешь никуда не двигаться, а всего лишь приклониться к обветренному фасаду небольшой барочной церкви и, скользя взглядом по шершавой поверхности стены и отмечая выщербленные временем рельефные отметины, вдруг наткнешься на обнажившуюся среди осыпавшегося камня раковину морского гребешка. И в этот миг ты попадаешь... нет, даже не в эпоху барокко, подарившую городу эту пронизанную духом моря архитектуру – ты рикошетом улетаешь на несколько миллионов лет назад, в глубины геологической истории адриатического побережья. И эта мумия гребешка, вытарчивающая из осыпавшегося куска строительного материала – самое наглядное свидетельство того, что цивилизация Средиземноморья в буквальном смысле вышла из моря.

Совершить путешествие во времени можно и иначе. К примеру, обнаружить на крошечном пятнышке, который язык не поворачивается назвать пятачком, неприметный проем открытой двери и ведущую куда-то вниз лестницу. Бумажка на входе поясняет, что за один евро можно

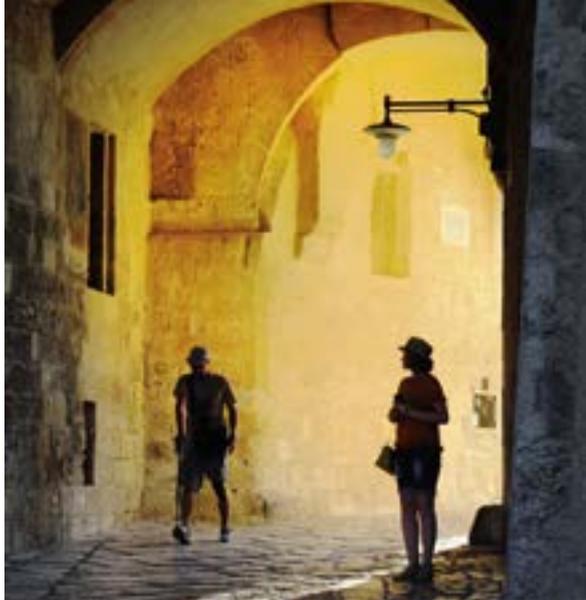
спуститься вниз и осмотреть крипту XI века. Метров пять вниз – и вы в обустроенном тысячу лет назад подземелье, где за тот же один евро чуть странноватый дедушка в очках с толстыми линзами, одновременно исполняющий обязанности хранителя, экскурсовода и директора по маркетингу, взахлеб рассказывает вам про крипту, демонстрируя разные ее подробности.

Несколько колонн ростом с кухонный буфет, увенчанных наивными капителями с подобиями иоников по углам; маленький алтарчик в арочной нише, снабженный, по-видимому, не слишком давно, барочной скульптурой Спасителя; что-то вроде престола, похожее на старый комод; несколько маленьких, довольно посредственных икон полусторолетней давности на стенах; ступени бокового выхода, ныне замурованного, и круглое отверстие каменного колодца, в глубине которого стоит вода – некогда дождевая, а теперь морская, приходящая по неведомым естественным водопроводам во время приливов. Все это дедушка демонстрирует с энтузиазмом, достойным редких посетителей, и, между всем прочим, указывает на еще одну нишу, в которой сохранилась, хотя и с неизбежными для такого места утратами, фреска с изображением Девы Марии с младенцем.

Наметанный глаз легко угадает возраст росписи – XII век (плюс-минус полстолетия). Видно, что изображение, вероятно, подвергалось подновлениям, но в целом сохранило редкую аутентичность. Фреска – икона, дышащая вполне византийской строгостью формы, но при этом полная какой-то удивительной апулийской нежности образов. Черты лица Богоматери, чуть отдельные, чуть вывернутые во фронт, к зрителю, словно отсылка в будущее, к живописи Натальи Гончаровой или Пабло Пикассо. И едва уловимая, но такая удивительная улыбка младенца... Совсем как улыбка Джоконды, только на три столетия ранее...

К чему я это? Да к тому, что порталы для путешествий во времени тут практически на каждом углу...

Вот сидишь, всего лишь пьешь вечерний чай, а через стену от тебя, в Санта Мария дель Суффраджо восемь выставленных в специальном шкафу нетленных монашеских мумий ведут меж собой беседу. О чем?... Не иначе о краткой (ах, какой краткой!) радости земного существования... В общем, не город, а машина времени.

В центре мира

Если на самом деле хочешь понять, каковы были отношения европейского человека с пространством тысячи или хотя бы пятисот лет тому назад, стоит испытать эти отношения на себе. Апулийское побережье Адриатики предоставляет множество возможностей для подобных испытаний. В любом городе этих мест лучше всего поселиться в его старой части, в историческом центре. Разумеется, это сразу задаст множество ограничений и неудобств. Старый город тесен, он стискивает вас видавшими видами стенами и обрекает на исключительно пешее передвижение, ломая двигательные и навигационные привычки. Своим архитектурным устройством он игнорирует все ваши привитые современным урбанизмом представления об удобстве, комфорте, рациональности и городской логистике. И если вы действительно, хотя бы в малой степени, готовы прочувствовать пространства Старого города так, как чувствовали их горожане много веков назад, то в первую очередь расслабьтесь, оглянитесь вокруг, затем посмотрите под ноги, потом вверх, а потом отключите на своем смартфоне все навигационные сервисы. И усвойте главную аксиому античной и средневековой геоляции: находясь в Старом городе, особенно вблизи храма, вы пребываете в центре мира. Так что заблудиться невозможно.

В историческом сердце Бари или Монополи вы не сможете не ощутить, что окружающий камень обращается напрямую к вашему телу, к его пластике, к его кинетике, к его потаенной динамической памяти. Старый город прижимается к вам вплотную, сводя до абсолютного минимума горизонтальное измерение. Протянув руку, вы в буквальном смысле упираетесь в противоположную сторону улицы. Зато вертикаль открывается вам как простор, как возможность движения. Эти отношения горизонтали и вертикали в пространстве Старого города – самое главное, потому что именно они свидетельствуют об исходных смыслах архитектуры и о задаваемых ею программах поведения человека. В горизонтальном измерении архитектура Старого города заставляет человека оставаться на месте, взывает к оседлости, возвращает в символический «центр мира», тогда как в вертикальном, напротив, предлагает свободу движения и перемещения. И тут, разумеется, возникает главный вопрос – куда и за-

чем человек может двигаться по вертикали?.. Только ли в свой пентхаус, чтобы где-то на высоте упасть-таки горизонтально на диван с баночкой пива в руке?..

В Старом городе, конечно, нет пентхаусов, зато есть террасы – эти странные симбиозы трапезной, садочка и пляжа, эти маленькие универсальные парадисы, напоминающие жилище Карлсона и обустроенные, кажется, с единственной целью – одновременно, в одном, так сказать, хронотопе соединить гедонизм и молитву... Только в Старом городе, поднимаясь вверх, на террасу, вы восходите в райский сад наслаждений, и в то же время почти литургически воспаряете над бренностью всего земного...

Впрочем, если кто-то скажет мне, что такое возможно и на крыше точечной девятиэтажки в спальном районе индустриального миллионника, я, пожалуй, не стану возражать...

Протодизайн Альберобелло

Среди городов Апулии, богатых удивительными архитектурными маргиналиями, Альберобелло безусловный чемпион. Город, старая часть которого состоит из труллей – особого типа архитектурных сооружений, преимущественно круглых в плане и завершенных коническим куполом-колпачком, сложенным из плоского камня таким хитроумным образом, что разрушить его (если верить преданиям и учебнику сопромата) можно за полминуты, всего лишь вынув замковый камень. Труллы – особый случай в архитектурной практике. Это сооружение, рассчитанное на возможность очень быстрого разрушения (легенда гласит, что именно жесткая политика налогообложения завершённой недвижимости вызвала появление на свет такого архитектурного изобретения, как труллы). Сооружение должно разрушаться раньше, чем налоговая полиция успеет въехать в поселение. Задача очевидно не архитектурная, скорее дизайнерская (хотел было сказать – инженерно-саперная, но подумал, что решается она все же без помощи тротила и бикфордова шнура, а потому дизайнерская).

Так вот, труллы – это, конечно, продукт дизайна, но того времени, когда ни про какой дизайн еще никто не знал. Труллы – этикие протодизайновые жили-

ща-трансформеры. Они спокойно существуют себе, пока не подступает опасность, заставляющая мгновенно приводить в действие программу «ихтамнет». И тогда архитектура молниеносно преобразуется в груды камня. С некоторых пор делать это запретили – освободили жителей Альберобелло от налогов на тролли и лишили необходимости рушить собственные дома. Однако сама идея быстроразрушаемой архитектуры как генерирующая создание особых типов сооружений прелюбопытна. Тролли – это ведь не юрты и не чумы, сооружаемые из легких, удобных в монтаже и демонтаже материалов. В истории архитектуры главной всегда была борьба за надежность и долговременную жизнь возводимого здания, а в наше суетное время – еще и за быстроту возведения. Но быстрое разрушение как идея архитектуры – это, пожалуй, достойно специального размышления... Есть тут что-то от знакомого до боли: «весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...»

Вот и озадаченный айфон пытается править текст: «весь мир НАСИЛЬНО мы разрушим...». До основанья... А зачем?..

Матера как мужское и женское

Матера – город-скала. Половина его архитектурного тела выгрызена в мягком камне и представляет собой бесчисленные пещерные пространства. Вторая половина – надстройки и пристройки, продолжающие пещерный ландшафт так, будто и они созданы природой. В домах-пещерах веками жили (а во многих живут и по сей день) обитатели этого фантастического поселения. Жизнь в теле горы и обустроенные в нем церкви, дома, хозяйственные и всякие прочие помещения – ошеломительный пример того маргинального состояния архитектуры, когда она обретает форму на границе пространства под сводом (пещерной округлости, выцарапанной в монолите горы) и пространства под перекрытием (стоечно-балочной конструкции с заполненными камнем стенами). Собственно, это и есть два главных архетипа зодчества, две строительных программы, два принципа, которые пронизательный А. Г. Габричевский определял как «негативное» и «позитивное» пространство.

В Матере «позитивное» и «негативное» пространства неотрывны друг от друга, грот и возводимый пристрой соединяются в целое, продолжая друг друга, и обживаются как дом на пересечении естественного и искусственного, натурального и антропогенного. А главное, на пересечении двух стратегий освоения среды – приспособительной и преобразовательной.

На месте Габричевского я бы, пожалуй, назвал это синтезом «женского» и «мужского» типов пространства. «Женский» тип пространства – пещера, природное лоно, активирующее уснувшую память пренатального опыта человека. Это пространство уюта и комфорта, пространство тождества с материнским телом, оно округло и антропоцентрично. Оно не терпит резких волевых трансформаций, предлагая приспособить к нему свой быт, поведение, двигательную активность и привычки. «Мужской» же тип пространства – продукт воли и умозрения, проекта и технологии, это пространство порывает с диктатом ландшафта, с геологией места и земной гравитацией, оно экспансивно и даже порой агрессивно. Оно стимулирует кардинальные изменения в развитии жизни и быта и утверждает приоритет ценностей новизны над ценностями консервативного уклада.

В Матере, в городе-скале «мужской» и «женский» типы пространства не просто сосуществуют, они образуют такое единство, какого меж мужчинами и женщинами уже давно не встретишь... Быть может, архитектура, соединившая каменную кладку и пещеру, колонну и скалу, говорит о чем-то более важном, чем типология пространства и альтернативы формообразования? Быть может, на самом деле Матера – это город, повествующий о любви?..

Когда мы по-русски произносим слово «скала», мы разумеем за этим камень, твердь, неодолимое препятствие. Когда итальянцы с чуть другим ударением говорят: «скала», они имеют в виду лестницу, а значит, возможность восхождения, движения вверх, к высшему. Матера – не только город-скала, но и город-лестница. Лестница, по которой мужское и женское восходят к единству. И чем выше, тем синкретичнее, тем естественнее и глубже это единство. Оно и понятно: любовь свершается на самом верху. Буквально, под десницей Всевышнего...